

A detailed illustration of a man and a woman in a grand, ornate room. The man, with long red hair and a serious expression, wears a dark red robe with gold embroidery and a white fur collar. He stands behind the woman, his hand near her. The woman has long blonde hair and blue eyes, wearing a green dress with a white ruffled collar and a large green bow. She holds a glowing green orb in her right hand and a bouquet of purple flowers in her left. The background features a chandelier and ornate wall decorations.

Мария Соник

ЦЕЛИТЕЛЬ
для Его
ВЕЛИЧЕСТВА

Мария Соник

Целитель для Его Величества

<https://litres.ru/74521538>

Аннотация

Вся семья боготворила старшую дочь — гениальную целительницу, которой пророчили великое будущее. Младшей же, Элине, доставалась роль вечно неудачливой родственницы, чей дар считали жалким подобием сестрино. Когда сестра, испугавшись сложности задачи, сбегает от почетной обязанности лечить раненого короля, Элина совершает безумство: она едет во дворец под чужим именем.

Во дворце ее ждет не благодарный пациент, а циничный правитель, привыкший повелевать, и придворные интриги, где ошибка стоит жизни. Но в тишине королевской спальни, день за днем, между ложью и прикосновениями целительных рук зарождается нечто большее, чем сделка.

Сможет ли Элина простить сестру, которая внезапно вернулась, чтобы отнять у нее шанс на счастье? И что выберет король: удобный союз с прославленной фавориткой Академии или ту, кто спасла его ценой собственной репутации?

Книга участвует в литмобе «Лекарство для дракона»

Поддержите книгу лайками и комментариями! Добавьте её в свою библиотеку. Подписывайтесь на автора! МАРИНЯ СОНИК

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глава 1

Чемодан стоял посреди комнаты как немой укор. Тяжелый, кожаный, с золочеными замками, которые Лиана начищала зубным порошком каждое воскресенье, чтобы блестели, как глаза василиска. Он торчал на вытертом ворсе персидского ковра инородным монолитом — надгробием на могиле их сестринских отношений.

Элина замерла на пороге. Пальцы с такой силой вцепились в дверной косяк, что ноготь указательного пальца надломился о деревянную филенку. Она не почувствовала боли — только холод, ползущий от босых пяток к затылку. Дверь в спальню сестры была приоткрыта. Не настежь — именно приоткрыта, сантиметров на двадцать, образуя черную вертикальную щель, из которой сочился запах «Сладкой орхидеи» и, как показалось Элине, запах предательства.

Лиана никогда не оставляла дверь открытой. Никогда. С тринадцати лет, с того самого дня, как наставник из академии назвал ее гениальной, а Элину — «бесполезной». Она говорила, что даже щель — это приглашение для чужих глаз, воровских рук и дурных мыслей. «Моя жизнь — не зверинец для зевак, Элина. Особенно для тех, кто все равно ничего не поймет».

Элина всегда была из тех, кто «не поймет». Из тех, кто недостоин прикоснуться к золоченым ручкам ее жизни.

— Лиана? — голос прозвучал сипло, спросонья. Смешно. Она прибежала сюда, разбуженная глухим ударом упавшего замка чемодана, и все еще надеялась на шутку. На очередную жестокую игру.

Ответом была тишина, густая, как сироп, которым мать поила Лиану от горла, но никогда не давала Элине. Она толкнула дверь ладонью. Петли взвизгнули — не плавно, не мелодично, а пронзительно, жалобно, по-осеннему. Хотя за распахнутым настежь окном стоял разгар июля, и ночной воздух был липким от цветущего жасмина и надвигающейся грозы.

Комната встретила ее пустотой, которая физически сдавила виски.

Шкаф из мореного дуба был распахнут. Внутри, словно гнилые зубы во рту старухи, зияли пустые вешалки. Половина платьев исчезла. Только самые старые, те, что Лиана называла «тряпками для дома», сиротливо жались в углу. На кровати с балдахином цвета слоновой кости валялось смятое одеяло, скрученное жгутом, будто сестра вскочила не просто внезапно, а в припадке ярости или паники.

А на туалетном столике у огромного зеркала в бронзовой раме лежал конверт.

Элина узнала его мгновенно. Плотная, почти картонная бумага цвета топленых сливок с тисненым вензелем отца — «А. Р. Э.» (Аллар Рэйвен Эштон). Такие конверты в их доме доставали из запертого ящика бюро только по трем поводам: оглашение помолвки, похороны или известие о королевской

немилости. Или — как поняла Элина, чувствуя, как желудок подпрыгивает к горлу, — для слов, которые слишком трусливы, чтобы быть сказанными в лицо.

Она взяла конверт. Пальцы дрожали так сильно, что по краю бумаги пошла мелкая рябь. Бумага была ледяной. Хотя в комнате стояла духота. Или это у нее внутри все остыло до абсолютного нуля?

«Элина».

Всего одно слово на лицевой стороне, выведенное темно-синими чернилами с идеальным наклоном. Не «сестре». Не «Элиночке», как дразнил ее в детстве конюх, пока мать не запретила «фамильярности с прислугой». Просто имя. Как пишут на посылке для служанки. Будто Лиана писала инструкцию для новой горничной, а не обращалась к единственной сестре.

Она сломала сургучную печать. Ноготь снова зацепился, и на сгибе остался бурый след от запекшейся крови. Под ногтем запульсировало.

Она развернула лист. Почерк сестры — стремительный, летящий, с умопомрачительными завитушками на буквах «д» и «у». Лиана называла их «признаком аристократического полета мысли», а мать — «генетическим подтверждением того, что я не зря вышла замуж за твоего отца, дорогая».

Элина читала, и строки расплывались, хотя в комнате было сухо. Это не конденсат — это влага скапливалась на ресницах, превращая изящные буквы в размытые кляксы яда.

«Я уезжаю. Сейчас, ночью, пока мать спит, а ты дрыхнешь без задних ног. Не ищи меня. Даже не думай закатывать истерику или слать голубиную почту. Я не собираюсь ехать во дворец и лечить какого-то умирающего монарха, когда там, по сути, меня никто не ждет, кроме смерти.

Рейнар — этот солдафон, начальник стражи, который мнит себя стратегом, — прислал официальное письмо с личной припиской. Говорит, рана глубокая, стрела или кинжал, какая разница. Магия не берет. Яды, артефакты, молитвы — все впустую. Нужен самый сильный целитель королевства. То есть я.

Они там с ума посходили. Я не наемница из гильдии, чтобы рисковать своей драгоценной шеей из-за чьей-то политической возни. Если король сдохнет, трон займет его кузен. И что с того? Мой дар принадлежит только мне, и я не собираюсь растрачивать его на безнадежного старика, которого все равно прирежут в следующем месяце.

Вот пусть они и ищут своего сильного целителя. Я пас. У меня свои планы на эту жизнь.

Элина перевела дыхание. В груди росло нечто тяжелое, с острыми гранями, словно булыжник, который с каждой секундой обрастал шипами и медленно погружался в диафрагму, не давая вдохнуть. Она дернула плечом, словно пытаясь сбросить невидимую руку, и опустила взгляд ниже. Там было продолжение. И оно было адресовано конкретно ей.

Ты поедешь вместе меня.

Твой дар — жалкое подобие искры, мыльный пузырь, а не сила. Авось не убьют сразу. А если и убьют — ну, семья хотя бы не лишится главной надежды и наследницы. Ты же понимаешь расклады, милая сестрица: мама просто не переживет, если со мной, ее гордостью и смыслом существования, что-то случится. Это разобьет ей сердце, и наш род угаснет в тоске и бесчестье.

А с тобой... — тут чернила брызнули в сторону, словно Лиана махнула пером в приступе презрения, — с тобой что случится? Ничего страшного. Ты всегда была неудачницей. Тенью у порога. Никто и не заметит пропажи. Зато будет о чем поговорить на поминках: "А помните младшую? Такая серая была, а все ж таки поехала и сгинула за короля. Какая ирония".

Камень, росший в груди Элины, рухнул вниз, пробил желудок, таз и ушел в пол, пригвоздив ее к месту.

Она замерла. Перестала дышать. Мир вокруг сузился до размеров этого проклятого листка бумаги, который источал запах духов Лианы и ее яда. Пальцы сжали бумагу с такой силой, что она смялась с хрустом ломающегося хребта. Белые пятна выступили на костяшках, кожа на сгибах ладоней натянулась до прозрачности.

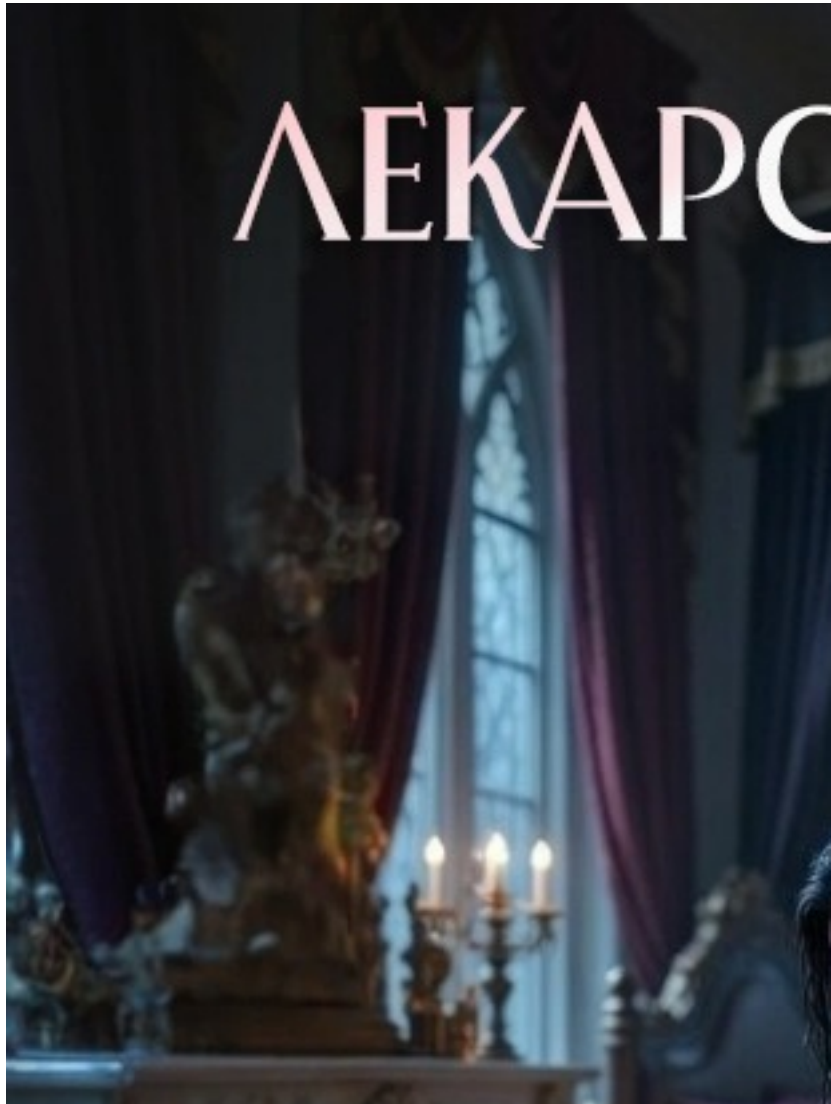
«Авось не убьют».

Книга пишется в рамках литмоба “Лекарство для дракона”

<https://litnet.com/shrt/v6T0>

*Добавляйте в библиотеку, следите за выходом новинок.
Впереди нас ждет 12 историй об исцеляющей силе любви.*

ΛΕΚΑΡΟ

Глава 2

Она перечитала эту фразу. Раз. Второй. Третий. Губы шевелились беззвучно, как у деревенской дурочки, которую она видела на ярмарке. Четвертый раз. Пятый. С каждым новым прочтением слова вгрызались глубже, словно раскаленные гвозди, вбиваемые молотком прямо в ее грудную кость, раздвигая ребра и обнажая трепещущее, никому не нужное сердце.

Сестра. Старшая сестра. Та, с кем она делила комнату до двенадцати лет, пока их не разлучили «из-за разницы в статусе дара». Та, которой она тайком от матери отдавала свои порции шоколадных трюфелей, потому что Лиана выпрашивала их со слезами, а мать всегда покупала ровно одну коробку — для гениальной дочери. Та, которая рыдала, уткнувшись носом в ее, Элины, плечо, когда умер дед, прижимаясь всем телом и шепча: «Только ты, только ты поймешь, какая это потеря для моего будущего». А наутро сделала вид, что не помнит ни объятий, ни слез, назвав Элину «липкой плаксой» за завтраком.

Лиана всегда была сильной. Всегда была талантливой. И всегда была жестокой в своей прямоте.

Но чтобы настолько? Чтобы настолько цинично распорядиться ее жизнью, как отработанным материалом? Как пешкой, которую не жалко сбросить с доски, чтобы отвлечь хищ-

ника?

Элина зажмурилась. Перед внутренним взором встала картина: Лиана пишет это письмо, красиво изогнув запястье, возможно, попивая вино из отцовского погреба. Пишет и улыбается, представляя, как младшая сестра будет стоять посреди комнаты с трясущимися губами.

— Тварь, — выдохнула Элина. Это слово вырвалось само, хриплое, гортанное, непривычное для рта, воспитанного на «мерси» и «благодарю». Оно обожгло язык и принесло странное, первобытное удовлетворение.

Она открыла глаза и посмотрела на чемодан. Лиана оставила его нарочно. Как вещественное доказательство своего триумфа. «Я взяла лучшее, а ты смотри на то, что я посчитала мусором».

Ярость пришла не волной — взрывом. Элина вскочила, не помня себя, опрокинув стул с прямой спинкой, который с грохотом ударился о стену. Письмо, смятое в шарик, полетело на пол и отскочило к плинтусу. Она в два шага пересекла комнату, схватила кожаный чемодан за ручку — он был тяжелым, чертовски тяжелым, — и с нечеловеческим усилием швырнула его в стену над кроватью.

Удар вышел глухим, утробным. Замки лопнули. Чемодан раскрылся в воздухе, словно брюхо вспоротого зверя, и на пол, на смятое одеяло, на подушки посыпалось содержимое: шёлковые платки цвета индиго, которые Элина гладила для сестры два дня назад; хрустальные флаконы с остатками

притираний; кружевной воротник, оторванный от дорожно-го платья.

— Стерва! — Элина выкрикнула это громче. Голос сорвался на визг. Она никогда не ругалась. Мать внушала, что бранные слова «убивают женскую энергетику и делают ауру похожей на решето». Но сейчас ее аура, если она и была, полыхала алым, и ей было плевать.

— Ты последняя стерва, Лиана! — повторила она, уже не сдерживаясь, и звук собственного голоса, звенящего под сводами комнаты, пугал ее саму.

Она хотела разбить зеркало. Чтобы не видеть там отражение той, которую назвали «неудачницей». Хотела порвать в ключья оставшиеся в шкафу тряпки. Хотела выбежать босиком в ночной сад и орать в небо, пока легкие не откажут от напряжения, пока на крик не сбегутся все слуги и мать, чтобы увидеть — она живая! Она чувствует!

Но вместо этого колени подогнулись. Она рухнула на ворс ковра, больно ударившись чашечками, и медленно, как в бреду, нащарила смятое письмо. Развернула его на коленях, разглаживая дрожащими пальцами. Взгляд снова уперся в последнюю строчку, написанную чуть крупнее, словно для слабовидящих или слабоумных.

«Ты всегда была неудачницей.»

И тогда пришло воспоминание. Не просто картинка — полное погружение. Запахи, звуки, тяжесть материнской ру-

ки на плече.

Ей было семь лет. Семь лет и три месяца, если быть точной, потому что у Элины было день рождения, который никто не заметил, потому что Лиана сдавала вступительный экзамен в Академию Высокой Магии.

Их с сестрой вызвали в парадную гостиную. Мать сидела в кресле с высокой спинкой, прямая, как натянутая тетива, в платье цвета воронова крыла. Рядом стоял высокий старик в сером плаще с капюшоном, от которого пахло пылью, сухой полынью и старостью. У него были узловатые, желтоватые пальцы, которыми он поглаживал бороду.

— Садитесь, девочки, — голос матери звенел фальшивым серебром.

Лиана, восьмилетняя, но уже с повадками маленькой королевы, опустилась на диван, выпрямив спину так, что лопатки сошлись. Она положила руки на колени ладонями вверх — жест готовности принять дар. Элина, пухленькая и неуклюжая в свои семь, села на краешек скрипучего стула, подобрав под себя ноги и молясь, чтобы стул не издал ни звука. Мать ненавидела скрипы.

— Лорд Валентайн, наставник первого круга Академии, — представила мать старика. — Он любезно согласился провести предварительное тестирование вашего магического потенциала. Обоих.

Внутри у Элины все сжалось в точку размером с игольное ушко. Она знала, что у нее что-то есть. Иногда, когда она

прикасалась к умирающему воробью, выпавшему из гнезда, кончики ее пальцев начинали зудеть и светиться бледно-зеленым, как болотный гнилушка. Воробей не взлетал, но дышал дольше. Когда старый пес отца, Рыжик, порезал лапу о стекло, Элина сидела с ним в сарае два часа, гладила по шерсти, и к утру от раны остался только розовый шрам. Мать сказала, что это «совпадение и хорошая регенерация у дворян».

Наставник вынул из сумки хрустальный шар размером с человеческую голову. Тот был матовым, тяжелым и, казалось, впитывал в себя весь свет из комнаты.

— Юная леди Лиана, прошу.

Лиана подошла первой. Уверенной походкой от бедра, улыбнулась наставнику — той самой улыбкой, от которой, по словам матери, «тают даже неприступные крепости и суровые министры». Она положила ладони на шар без тени страха.

Мир на секунду замер.

Затем шар взорвался светом. Чистым, золотым, ослепительным, как полуденное солнце. Свет ударил в потолок, затанцевал на хрустале люстры, заставив ту звенеть, и разлился по комнате теплом.

Наставник отшатнулся, прикрывая глаза рукавом. Элина услышала его присвист — долгий, удивленный.

— Редчайший дар! — выдохнул он. — Поток такой силы, что кристалл едва не треснул! Леди Эстель, ваша дочь

— феномен. Очень сильное, глубокое течение жизни. Если она пойдет в целительство, то к двадцати годам сможет воскрешать только что умерших. Ей место в Академии. Нет, ей место в истории.

Мать улыбнулась. Элина запомнила эту улыбку навсегда. Губы растянулись ровно настолько, чтобы показать идеальные зубы, но глаза остались холодными, оценивающими. Это была улыбка, адресованная исключительно Лиане. Инвестиция в акции, которые только что взлетели до небес.

— А теперь ты, дитя, — наставник повернулся к Элине, и его голос утратил львиную долю энтузиазма. Он стал ровным, как вода в болоте.

Элина встала. Ей было семь. Ноги были ватными и отказывались идти. Она подошла к столу. Шар уже не светился, он снова стал мутным и холодным. Она положила на него ладони. Они были липкими от пота.

Ничего не произошло.

— Сильнее, — скомандовал наставник. — Представь, как ты вкладываешь свою душу в камень.

Она нажала. Напряглась так, что в глазах потемнело. Кончики пальцев засветились. Слабо, едва-едва. Бледный зеленоватый огонек, похожий на умирающего светлячка в банке, задрожал на поверхности шара. Шар не вспыхнул. Он замерцал в такт ее сердцебиению, тускло, прерывисто, жалко.

Наставник долго молчал. Тишина в гостиной давила на барабанные перепонки. Элина слышала, как в соседней ком-

нате тикают часы и как за окном жужжит муха, бьющаяся о стекло.

— Слабый, — произнес он наконец, и это слово упало как топор на плаху. — Очень слабый. Почти на грани шума. Я бы сказал, что он бесполезен для серьезной медицины. Закрывать царапину или снять головную боль — потолок. Собственно, ей не место в Академии. Таких, как она, называют «искрами на ветру» — сегодня есть, завтра потухнет навсегда.

Элина не заплакала. Она стояла и смотрела на свои маленькие руки, на которых еще дрожал отсвет умирающей магии, и думала: «Почему? Почему я не могу, как она?»

Мать подошла к ней. Тяжелые юбки зашуршали по паркету. Она взяла Элину за подбородок холодными, унизированными перстнями пальцами и заставила поднять лицо.

— Не расстраивайся, — голос матери был ровным, но в нем слышался металл разочарования. — Кому-то суждено сиять на небосклоне, а кому-то — прислуживать, поднося свечи. Прими это, Элина, и твоя жизнь станет проще. Ты всегда будешь рядом с сестрой, будешь помогать ей в быту. Это твой путь.

«Кому-то суждено сиять, а кому-то — прислуживать».

Новинка моба “Лекарство для дракона” от Яна Фроми - Сиделка для несносного дракона

Глава 3

Видение схлынуло так же резко, как и появилось, оставив после себя гулкую пустоту в черепной коробке. Элина стояла на к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.